

МОНМОРАНТЕ

ЮРИЙ ЕЛЬ

Юрий Ель Монморанте

<https://litres.ru/74565109>

SelfPub; 2026

Аннотация

Венеция, 1750 год.

Карнавал должен был закончиться пять дней назад, но вместо священного поста явилось проклятие. Рассвет так и не наступил, а люди, прячущие лица под маскарадными масками, этого даже не заметили. Обезумели.

Дон Леон Монморанте - тот, кто ещё видит правду. Рядом с ним - преданный слуга Флавио, который должен помочь разобраться в происходящем. Их преследует ужасающая Констанца - певица, убитая при загадочных обстоятельствах. Но что ей нужно? Кому желает отомстить? Это предстоит выяснить двум несчастным, оказавшимся в эпицентре кошмара.

И всё бы ничего, да только дон Леон без памяти влюблён в Констанцу. Она обречена стать его светом... или погибелью.

Содержание

Глава 1

4

Юрий Ель Монморанте

Глава 1

Венеция, 1750 год.

Уставший взгляд Леона Монморанте упал на тарелку, что не пустела вот уже пять долгих дней. На ней снова появилась еда – запечённая рыба с пряностями. А вчера была телятина в кисло-сладком соусе, а позавчера паста, пироги. Были ещё десерты. Много сладостей, среди которых и марципаны, и различная выпечка... Устанешь перечислять!

В бокалах не высыхало вино. Вот оно, почему-то, отличилось постоянством. Если горячее и десерты менялись день ото дня, то напитки нет. И Леона от вина уже тошнило. А, может, тошнота мучала его не столько из-за вина, сколько из-за беспробудного пьянства? Признаться в этом господину Монморанте даже самому себе было непросто. Он отчаянно игнорировал этот факт и продолжал пить. С одной стороны, это скотство. С другой – а что ещё прикажете делать?

С осени не стихал карнавал. Начался маскарад ещё в октябре, а сегодня уже пятнадцатое февраля. Это по неточным подсчётам. И всё бы ничего, так бывает, праздники затягива-

ются... Да только вот уже пять дней не было ни одного рассвета. Ночь не сменялась днём, не было ни утра, ни обеда, ни полудня! Луна как висела, точно гильотина, так и висит в небе. Иногда Леону казалось, что она над ним хохочет. А мерзавки-звёзды ей поддакивают, мерцают и подначивают. Но это вино виновато, опять всё то же вино...

И, конечно, все проигнорировали начало Великого поста. Большинство венецианцев исповедовали католицизм и потому ждали Жирного вторника ¹. На сей раз он выпал на десятое число. Ведь на следующий день – в Пепельную среду – стартовали сорок дней строгого воздержания от искушений. То есть приверженцы религии опоздали на целых пять дней. И никого это не смутило. Не смутила и ночь, что с некоторых пор отказывалась уходить. Не уступала, негодяйка, рассвету, как ни проси, ни умоляй!

Леон, думая об этом, нервно посмеялся и тут же сделал пару больших глотков вина. Так сказать, чтобы не отдаться в плен истерике.

Перед ним на столе лежали два важных атрибута: напудренный парик, от которого невыносимо чесалась голова, и роскошная маскарадная маска из белого атласа, она же баута. В таких на карнавале ходили многие представители высших сословий. Носил её теперь и Леон. Хотя, вообще-то, из-

¹ Традиционный праздник, который отмечается во вторник перед началом Великого поста. Это последний день карнавального сезона, наполненный весельем и народными гуляниями.

начально образ его не подразумевал ношение этой маски. Вечером Жирного вторника, пять дней назад, в честь кульминации маскарада он решил облачиться в костюм Пьеро. Выбелил своё слащавое лицо белилами и пудрой до неузнаваемости, нарисовав на щеках чёрные слёзы – символ грусти и нежелания прощаться с праздниками. На деле, конечно, слёзы эти были фальшивые. Дон² Монморанте ничуть не грустил, а наоборот был полон желания как следует отметить последний день карнавала. С апломбом! Но теперь никакого настроения не было. Сейчас бы просто сохранить рассудок и совсем не потерять контроль над ситуацией. И бауту эту Леон надевал лишь потому, что грим его давно стёрся. А рисовать новый руки не поднимались. Притом скрывать лицо всё ещё требовало всеобщее веселье – в конце концов, без маски был риск привлечь к себе ненужное внимание.

Несомненно, на Венецию обрушилось доселе неведомое проклятие. Быть может, какой-нибудь алхимик наслал на город забвение и тьму? Или ведьма?... Нет, нет, это ерунда какая-то! Вероятно, происходящему можно найти объяснение. Правда пока у Леона никак не получалось это сделать.

Он окинул взглядом своё палаццо, кипевшее жизнью, танцами и разговорами. Гостей собралось немало, но теперь уже их присутствие ни капли не радовало. Наоборот – тревожило. Если присмотреться, каждый из них вёл себя странно.

² Почётное обращение к знатному мужчине, патрицию. К женщине обращаются как «донна».

Кто-то, например, бесконечно держал в руке пустой бокал, ничего себе не подливая. Как тот мужчина, беседующий с дамами. Причём ходил незнакомец с ним уже не первый день. А вон тот неизвестный господин в красочной маске и шляпе с пушистым пером неподвижно сидел за столом на протяжении нескольких часов. Не ел, не пил и ни с кем не говорил. Потом встал, прошёлся по банкетному залу и вернулся на место.

Но самая главная странность затрагивала абсолютно всех венецианцев – никто не ложился спать. Никто даже не дремал! Даже сам Леон не чувствовал усталости. Разве что только душевную.

Монморанте тяжело вздохнул и продолжил пить.

Музыка всё так же активно играла, как и пять дней назад. Музыканты, точно околдованные, не покидали своих мест и не выпускали из рук инструменты. И народ плясал до упаду, останавливаясь лишь для того, чтобы смести со стола угощения. Подкрепиться, так сказать, и снова отдаться танцу.

А, может, то кара небесная за лицемерие людское? Ведь карнавал этот, проводимый во имя распутства, чревоугодия и другого рода смертельных грехов, плавно должен был перетечь в священный пост. А во время поста, как известно, запрещено обжираться, упиваться и отвлекаться на кутёж. Нужно неистово молиться, посещать храмы и просить у Бога милости. Ну не смешно ли? Венецианцы устраивают масштабное развлечение, дабы насладиться различного рода ис-

кушениями. И очень торопятся успеть вкусить запретные плоды до поста! Будто Бог слеп до этого момента! Это если откинуть теорию про ведьм и алхимиков и попытаться найти объяснение, обвинив Владыку Небесного.

Леон, откинув наскучивший чёрный плащ, неуклюже выудил из кармана табакерку. Позолоченную, с чудной картинкой на крышке. Изображала она звёздное небо с солнцем и луной. Леон, когда увидел этакую диковинку у ювелира, ахнул от восторга и, не задумываясь, купил. Сейчас она почти опустела. Придётся найти ещё табака. Может, позаимствовать у кого-нибудь? Да, он не только напивался, но и нюхал табак, не прекращая.

— Дон Леон, позвольте подлить вам вина.

Подошёл слуга, тоже в маске, тоже вычурно одетый. Он держал в руках тёмную бутылку с пёстрой этикеткой.

Леон неохотно глянул сначала на слугу, а потом на чудесным образом опустевший бокал.

— Подлей.

И слуга плавно наклонил бутылку. Потёк дурманящий нектар. Леон в этот момент вдруг ощутил на себе его взгляды – короткие, но пристальные. Будто слуга что-то пытался понять, но боялся привлечь к себе внимание или показаться грубым. В конце концов, по статусу ему не положено пялиться на господ *вот так* нагло!

Но Леона его поведение не смутило, и он просто уставился на слугу в ответ. Удивительно, но именно он вёл себя стран-

нее всего посреди этого сумасшедшего пира. Маска на нём оказалась простая, из папье-маше. И закрывала она лишь верхнюю часть лица. Движения были какие-то нервные, хотя слуга отчаянно старался скрыть беспокойство. Он будто одёргивал себя, когда озирался по сторонам, а ещё потел – над верхней губой его блестели маленькие капельки пота.

Леон заметил и то, как тряслись руки слуги.

— Вино едва в бокал попадает, - произнёс он, но без осуждения, а как факт. – Ты нервничаешь?

Слуга резко поставил бутылку на стол, и получилось это слишком уж громко, но никто не обратил внимание.

— Мне дурно, синьор. Я, вероятно, болен.

Леон поначалу напрягся и даже невольно отстранился. Взгляд его внимательный заметался по открытым участкам кожи слуги, ища симптомы болезни. Слуга заметил это и тут же поспешил оправдаться:

— Здесь душно! Очень душно. От этого мне и дурно. Не беспокойтесь.

— Как твоё имя?

— Флавио, синьор.

— Весьма благородное имя, - заметил Леон, собираясь отпить вино из бокала. И между делом он спросил: - Не подскажешь, который сейчас час? Или... день. Я слишком пьян, Флавио. И уже давно. Так что не сочти за умалишённого.

Леон усмехнулся, демонстрируя напускную уязвлённость. Мол, видишь же, в каком интересном состоянии твой госпо-

дин? От того и запутался, бред несёт. Но Флавио в ответ не улыбнулся и, казалось, занервничал лишь сильнее. Однако молчать, когда к нему обращался его господин, он не мог, потому неохотно, но ответил:

— Пять дней уже минуло с... Жирного вторника. А час сейчас поздний – два... ночи.

Тихий голос слуги был отравлен неуверенностью. Кажется, и он не мог точно знать сегодняшнюю дату. Ориентировался, видимо, так же как Леон – по тому, как сменялись на часах каждые двадцать четыре часа. И стрелки на них двигались бесконечно долго. А иногда казалось, что не двигались вообще.

— Танец! Танец! Танец! – объявил кто-то громко.

И Флавио вдруг схватил Леона, заставил подняться на ноги, а потом, точно девицу, повёл в танце. Монморанте не успел ничего понять и вообще едва стоял.

— Ты чего это?.. Что происходит?! – возмутился он, грубо отпихивая слугу.

Но тот не сдавался и лишь крепче схватился за своего господина, с мольбой произнеся:

— Простите! Тысячу раз простите! Но так надо! Поверьте, мой синьор! Просто танцуйте.

В этот же момент абсолютно все разбились по парам. И многие выглядели так же нелепо: некоторые женщины танцевали с женщинами, а мужчины с мужчинами. Кажется, они хватались за первого попавшегося партнёра – кто стоял ря-

дом, к примеру. И гости принялись кружиться в танце. Смеялись, делали реверансы, иногда даже сталкивались друг с другом, но не прерывались.

Леон озирался по сторонам, нахмутив от непонимания брови. Толкаться со слугой он прекратил. Что-то подсказывало – лучше послушаться и не выделяться.

И в подтверждение его догадкам, Флавио тихо объяснил: — Если не танцевать, они нападут.

У Леона по спине побежали мурашки:

— В каком это смысле?

Флавио активно закивал, будто жест этот добавит правдивости его словам:

— Я не лгу! Я уже столкнулся с их злобой. Поначалу тоже ничего не понял, когда кто-то объявил эти проклятые танцы. А потом на меня накинута целая толпа, едва не разорвали! Требовали танцевать. Требовали встать с кем-нибудь в пару.

Леон заметил вдруг, что рукав костюма слуги оказался порван, а из-под маски выглядывала ссадина. Пострадала скула. Его и впрямь ударили. И, вероятно, не раз.

— Верю, - отозвался Монморанте испуганно. – Но что же происходит в Венеции? Как объяснить всеобщее безумие?

Слуга на вопросы не ответил, вряд ли мог. Вместо этого он облегчённо выдохнул:

— Боже наш всемогущий, я так рад, что не один. Счастлив, что вы тоже всё видите и понимаете! Мне повезло заметить это за вами.

— Каким же образом? Ты следил за мной?

Флавио ответить не успел. Со стороны раздался осуждающий возглас:

— Он без маски? Взгляните, он без маски!

Гостя указывала на Леона пальцем. Её тут же поддержали другие:

— Неприлично! Неприемлемо!

— Вы думаете, мы хотим видеть ваше лицо? Вы в своём уме?!

— Какая мерзость... Да я вам сейчас глаза выколю этой вилкой, а потом нос отрежу!

Леон невольно попятился, не на шутку испугавшись. Мысли его тревожные метались, руки задрожали. Такой свирепости за гостями за прошедшие пять дней он не замечал. Это поведение оказалось в новинку.

Хотелось развернуться и бежать, но в банкетном зале его родного палаццо сегодня собралось необычайно много народу, поэтому ускользнуть не получится. Его поймают и линчуют! У них аж руки тряслись от злости и нетерпения. Гости жаждали расправы и кровопролития.

Флавио среагировал быстро: метнулся к столу, за которым Леон коротал вечер, схватил его бауту и нацепил её ему на лицо. Сам Леон так и стоял бы как вкопанный не в силах что-либо предпринять. Тело его сковало неумолимое оцепенение. Потому за действиями слуги по спасению своего господина он наблюдал молча и неподвижно.

И в ту же секунду, когда маска оказалась на лице Монморанте, толпа успокоилась. Смолкли осуждения и полные презрения слова. Больше никто не брызгался ядом.

Закончились и танцы. Гости – все как один в масках и костюмах – продолжили беседовать друг с другом, пить, есть и веселиться. А Леон от пережитого шока рисковал лишиться чувств. Флавио и тут оказался рядом – подхватил господина под руку и вывел из палаццо в ночь.